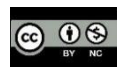

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

Оригинальная статья / Original paper

doi:10.17853/1994-5639-2025-9-99-127

Роль образования в процессе социальной стратификации бедности

Т.С. Козицина¹, А.К. Ключев², А.П. Багирова³

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация.

E-mail: ¹tatiana.kozitsina@urfu.ru; ²a.k.kluev@urfu.ru; ³a.p.bagirova@urfu.ru

✉ tatiana.kozitsina@urfu.ru

Аннотация. *Введение.* Уровень образования в условиях бедности влияет не только на финансовое поведение и доступ к ресурсам, но и на стратегию взаимодействия данной категории граждан с государством и сообществом. *Целью* исследования является оценка образования как фактора структурирования страты бедных для повышения эффективности мер социальной политики, диагностики групп риска воспроизводства бедности и стигматизации. *Методология, методы и методики.* К особенностям методологии исследования отнесены анализ роли образования в социальной стратификации в контексте теорий человеческого и социального капитала для многомерного объяснения бедности как стратифицированного и поведенчески вариативного явления, причем механизмы выхода из бедности рассматриваются через интеграцию теорий человеческого и социального капитала в контексте их действия в двух частях социального пространства бедности: институциональной и социально-сетевой. Используемая для анализа база данных сформирована на основе проведенного в июне 2023 г. в Свердловской области опроса населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, с общим числом опрошенных 2 273 человека. В ходе опроса были проведены процедуры, направленные на повышение качества и репрезентативности выборки, включающие широкое географическое распространение анкет, четкий инструктаж анкетеров, постоянную оперативную обратную связь с ними; в ходе последующей обработки данных, на этапе корректировки выборки были исключены анкеты респондентов, в которых были применены те или иные стратегии минимизации усилий (линейное прохождение табличных вопросов, частые пропуски вопросов и др.). *Результаты.* Установлено, что более высокий уровень образования ведет к значимо большим доходам и расходам, повышается степень удовлетворенности жизнью, понижается длительность пребывания в бедности и уменьшаются задолженности. У респондентов с высшим и средним профессиональным образованием наблюдается более широкий доступ к финансовым инструментам, активное использование мер государственной поддержки, а также большая интеграция в социальное окружение и опора на разнообразные ресурсы. *Научная новизна.* Новизна подхода исследования состоит в том, что впервые уровень образования рассматривается как стратификаци-

онный признак в контексте формируемого им человеческого и социального капитала, что позволяет глубже понять механизмы воспроизводства бедности и определить роль образовательного фактора в снижении рисков попадания в состояние бедности. *Практическая значимость.* Результаты исследования могут быть использованы при разработке адресных мер социальной политики в РФ.

Ключевые слова: проблема бедности, стратификация бедных, группа риска воспроизводства бедности, социальное пространство бедности, уровень образования, человеческий и социальный капитал, адресные меры социальной политики

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам журнала «Образование и наука» за экспертное мнение и конструктивный подход. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01542, <https://rscf.ru/project/25-28-01542/>

Для цитирования: Козицина Т.С., Ключев А.К., Багирова А.П. Роль образования в процессе социальной стратификации бедности. *Образование и наука.* 2025;27(9):99–127. doi:10.17853/1994-5639-2025-9-99-127

The role of education in the social stratification of poverty

T.S. Kozitsyna¹, A.K. Klyuev², A.P. Bagirova³

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russian Federation.

E-mail: ¹tatiana.kozitsina@urfu.ru; ²a.k.klyuev@urfu.ru; ³a.p.bagirova@urfu.ru

✉ tatiana.kozitsina@urfu.ru

Abstract. Introduction. The level of education among those living in poverty affects not only financial behaviour and access to resources but also the strategies by which this group interacts with the state and the community. **Aim.** The current study aims to evaluate education as a factor in structuring the strata of the poor, with the goal of enhancing the effectiveness of social policy measures and identifying risk groups associated with the perpetuation of poverty and stigma. **Methodology and research methods.** The research methodology is characterised by an analysis of the role of education in social stratification, framed within the theories of human and social capital, to provide a multidimensional explanation of poverty as a stratified and behaviourally variable phenomenon. The mechanisms for overcoming poverty are examined through the integration of human and social capital theories, considering their operation within two dimensions of the social space of poverty: the institutional and the social-network spheres. The database used for the analysis was compiled from a survey conducted in June 2023 in the Sverdlovsk Region, targeting individuals with incomes below the subsistence level. The survey included a total of 2,273 respondents. During the survey, procedures were implemented to enhance the quality and representativeness of the sample, including broad geographical distribution of questionnaires, clear briefing of respondents, and continuous operational feedback. In the subsequent data processing phase, at the sampling adjustment stage, questionnaires were excluded if respondents exhibited certain strategies aimed at minimising effort, such as linear completion of tabular questions or frequent omissions. **Results.** It has been found that higher levels of education lead to significantly higher incomes and expenditures, increased life satisfaction, reduced poverty, and lower levels of debt. Respondents with higher and secondary vocational education have greater access to financial instruments, make more active use of government support measures, and demonstrate greater integration into the social environment, relying on a variety of resources. **Scientific novelty.** The novelty of this research approach lies in its consideration, for the first time, of the level of education as a stratification feature within the context of the human and social capital it generates. This perspective enables a deeper understanding of the mechanisms un-

derlying the reproduction of poverty and clarifies the role of education in mitigating the risks of falling into poverty. *Practical significance.* The results of the study can be used to develop targeted social policy measures in the Russian Federation.

Keywords: problem of poverty, stratification among the poor, risk group, perpetuation of poverty, social space of poverty, level of education, human and social capital, targeted social policy measures

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the reviewers of the Education and Science Journal for their expert opinions and constructive feedback. This study was supported by the Russian Science Foundation under grant number 25-28-01542 (<https://rscf.ru/project/25-28-01542/>).

For citation: Kozitsyna T.S., Klyuev A.K., Bagirova A.P. The role of education in the social stratification of poverty. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2025;27(9):99–127. doi:10.17853/1994-5639-2025-9-99-127

Введение

По данным Всемирного банка бедность остается острой проблемой для многих стран, несмотря на положительную динамику снижения количества бедного населения¹. По мнению В. И. Клисторина, проблема бедности касается политической, социальной, культурной, экологической, экономической сфер [1]. Одним из решений проблемы бедности, как отмечают J. B. Tilak и M. T. Khan, является повышение уровня образованности среди населения [2; 3]. V. Barham и H. B. Ferguson с коллегами обращают внимание на то, что бедность и уровень образования взаимосвязаны циклической причинно-следственной зависимостью: ограниченный доступ к образовательным ресурсам обуславливает сохранение бедности, которая, выступая лимитирующим фактором, перманентно ограничивает возможности для получения образования. [4; 5]. Согласно данным The World Bank Group за 2022 год² уровень бедности среди населения без школьного образования – 21,1 %, с начальным – 12,3 %, со средним – 7 %, с высшим – 2,7 %. М. S. Awan и Б. И. Алехин подчеркивают, что именно образование наделяет индивида необходимыми навыками и знаниями для получения работы с достаточной оплатой, что помогает избежать бедности или преодолеть бедность [6; 7]. В свою очередь, L. Benadusi и P. D. Hershock отмечают, что образование уменьшает уровень неравенства среди населения, что, в свою очередь, сказывается на росте социального благополучия [8; 9].

Повышение уровня жизни, рост благополучия населения являются целями социальной политики любого государства. В РФ эти цели имеют воплощение в виде конкретных индикаторов. Указом Президента РФ в качестве одной из целей национального развития страны на период к 2030 году установлено снижение уровня бедности ниже 7 процентов³. С 2022 года показатель «Уровень

¹ Poverty. Accessed August 31, 2025. <https://data.worldbank.org/topic/11>

² The Demographic Profile of the Global Poor: Who Are the Poor and Where Do They Live? Accessed August 31, 2025. <https://blogs.worldbank.org/en/opendata/the-demographic-profile-of-the-global-poor--who-are-the-poor-and>

³ Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2024 г. № 309, п. 2 к). Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 27.08.2025).

бедности» включен в перечень индикаторов для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ.

Целью исследования является оценка образования как фактора структурирования страты бедных для повышения эффективности мер социальной политики, диагностики групп риска воспроизводства бедности и стигматизации.

Исследовательский вопрос: как уровень образования влияет на поведение бедных по отношению к социальным институтам и окружению?

Гипотеза: более высокий уровень образования способствует более высокой степени институциональной и социальной включенности бедных

Актуальность решения данного вопроса связана с необходимостью понимания специфики субъективных представлений различных социально-демографических подгрупп населения с доходами ниже прожиточного минимума, их ориентаций на преодоление ситуации не материального благополучия или ее стагнацию для выстраивания эффективного взаимодействия с ними со стороны работающих с этой категорией населения Территориальных управлений социальной политики субъектов РФ.

Ограничения исследования заключаются в том, что анализ взаимодействия с социальными институтами был проведен только в отношении органов власти и финансовых структур, без учета таких значимых акторов, как благотворительные и некоммерческие организации, работодатели и предпринимательские структуры на выборке респондентов из Свердловской области. Это может сужать полноту картины институциональной и социальной включенности бедных, поскольку данные институты способны играть заметную роль в формировании стратегий выхода из бедности и расширении социальных связей.

Обзор литературы

Анализ результатов исследований последних лет свидетельствует о том, что рост уровня образования у населения ведет к снижению уровня бедности [10; 11; 12; 13]. Так, А. М. Arsani [10] отмечает, что образование существенно влияет на уровень благосостояния и здоровья домохозяйства в Индонезии, причем отдача от высшего образования значительно выше, чем от начальной и средней школы. L. F. Panduwinata, W. T. Subroto и N. K. Sakti [11] отмечают, что именно образование является важнейшим инструментом сокращения бедности, благодаря которому люди приобретают знания и навыки, которые могут быть использованы для получения лучшей работы и сокращения бедности. С. I. Paraschiv [12] обнаружила, что уровень образования в макроэкономической перспективе и доход семей тесно взаимосвязаны, а получение школьного обучения и завершение образования влияют на уровень бедности. М. У. Khan,

¹ Указ Президента Российской Федерации от 28 ноября 2024 г. № 1014 «Перечень показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51378> (дата обращения: 27.08.2025).

А. К. Alvi и М. F. Chishti [13] отмечают, что люди со средним и выше уровнем образования богаче, чем люди с начальным или ниже уровнем образования.

Следует отметить, что если в классических теориях связь образования и бедности рассматривается непосредственно через доходы, как на это указывают авторы Т. J. Bartik и Z. Shi [14; 15], то в рамках настоящего исследования образование рассматривается в качестве ключевого фактора стратификации бедных слоев населения (важной части измерения бедности аналогично R. Bici [16]), выступающего катализатором их институциональной интеграции и социальной инклюзии.

В России уровень бедности в 2024 году составил 7,2 %, в Свердловской области показатель был ниже – 5,9 %. Таким образом, наблюдается устойчивая тенденция к снижению уровня бедности, как объективной, так и субъективной [17]. Однако для адресной работы с оставшимися категориями малоимущего населения требуется применение более дифференцированных подходов. В целом уровень бедности имеет тенденцию к снижению, однако работа с остающейся прослойкой бедного населения требует еще более прицельных методов, что отмечается Е. Я. Пастуховой и И. В. Манаевым [18; 19]. Вероятно, что преодоление остаточного уровня бедности детерминировано доступом к качественному образованию, которое, выполняя функцию механизма социальной стратификации, обеспечивает вертикальную мобильность и снижает риски социальной эксклюзии. Как отмечают J. R. Posselt и Y. Eto [20; 21], возможно, что ключевым фактором борьбы с оставшимися процентами бедности может являться образование как способ социальной стратификации. Ключевым признаком страты хронической бедности выступает воспроизводство депривации через ограниченный доступ к образовательным ресурсам, что отмечается С. Г. Косарецким [22]. В свою очередь, Л. Н. Овчарова и А. И. Пишняк [23; 24] пишут, что хроническая бедность зачастую присутствует у семей с детьми, проживающих в сельской местности и имеющих низкий уровень образования.

Отметим, что в российской социально-экономической структуре в последнее время устойчиво идентифицируется специфическая группа, условно обозначаемая как «образованные бедные»². Данная категория граждан, характеризующаяся наличием высшего или среднего профессионального образования и формальной занятостью, но низким уровнем доходов, находящимся за чертой прожиточного минимума, требует разработки и применения адресных социально-экономических мер, отличных от традиционных механизмов борьбы с бедностью. Так называемые «новые бедные» существенно дифференцируются от классических групп бедного населения по факторам человеческого капитала, социальным установкам и характеру запросов к социальной политике государства как отмечает С. С. Ярошенко [25].

¹ Уровень бедности. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/59577> (дата обращения: 04.08.2025).

² Бедные профессионалы: доходы квалифицированных специалистов в России. Режим доступа: <https://econs.online/articles/ekonomika/bednye-professional/> (дата обращения: 04.08.2025).

Все это говорит о возможных различиях групп малоимущего населения с разным уровнем образования. Эти различия могут быть использованы для более точечной работы с теми группами населения, которые, несмотря на их численное сокращение, все же продолжают пребывать в ситуации материального неблагополучия. Стратификация малоимущего населения по уровням образования может подсветить поведенческие и социальные особенности, требуемые для выстраивания политики работы с таким населением.

Известно, что социальная стратификация как разделение общества на страты по одному или нескольким стратификационным критериям является сложившимся подходом к анализу социальных проблем в социологии, как указывает П. А. Сорокин [26]. Традиционно социальные страты выстраивались по экономическим, политическим и профессиональным критериям. Вместе с тем сегодня исследователи все чаще анализируют трансформацию моделей социальной стратификации в современных обществах, переход от классической экономикосцентричной модели к новым видам стратификации, например В. С. Мартыанов [27]. Бедность в стратификационном анализе рассматривается прежде всего как социально-экономическое явление, характеризующееся нехваткой материальных ресурсов (доход, жилье, питание). Расширение оснований для стратификации произошло благодаря работам О. Lewis, предложившего концепцию «культуры бедности», где рассматриваются поведенческие и культурные аспекты, удерживающие людей в состоянии бедности¹. Пьер Бурдьё, используя понятие «социального капитала», исследовал механизмы воспроизводства социального неравенства и его влияния на бедные слои населения². Исследования Оскара Льюиса и Пьера Бурдьё существенно расширили теоретические основания для рассмотрения бедных не просто как экономически маргинализированной группы, а как устойчивой социальной страты, обладающей собственной системой ценностей, практик и ограниченного доступа к различным формам капитала, что препятствует их социальной мобильности и усиливает воспроизводство бедности. Их работы создали перспективу углубления исследований бедности, которое связано с пониманием неоднородности бедных как социальной страты и необходимости внутривнутристратификационного анализа бедных. Запрос на такой подход в современных условиях отмечается как в западных, например J. Round [28], так и в российских исследованиях. В частности, Н. Е. Тихонова в одной из наиболее фундаментальных работ по бедности, отмечает, что бедные в России – не монолитная масса, а сложная, дифференцированная группа [29]. Особенно важную роль в дифференциации бедных играет образование, так как оно в значительной степени определяет

¹ Lewis O. *La Vida. A Puerto Rican Family in the Culture of Poverty – San Juan and New York*. New York: Random House; 1968. 811 p. Accessed August 31, 2025. https://books.google.ru/books/about/La_Vida.html?id=HNMmAQAAMAAJ&redir_esc=y

² Bourdieu P. *The forms of capital*. In: Richardson J.G., ed. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Accessed August 31, 2025. <https://www.marxists.org/reference/subject/philosophy/works/fr/bourdieu-forms-capital.htm>

способность выстраивать социальные связи, взаимодействовать с институтами преодоления бедности.

В классических и современных теориях стратификации образование рассматривается как основание для структурирования наряду с доходом и профессией. Детализация роли образования в социальной стратификации связана с теориями человеческого и социального капитала, которые позволили сформировать многомерное объяснение бедности как стратифицированного и поведенчески вариативного явления. Один из основоположников теории человеческого капитала Теодор Шульц утверждал, что образование – это одна из форм инвестиций, аналогичная вложениям в физический капитал, которая увеличивает шансы индивида на рынке труда и окупаемость которой проявляется в росте доходов и социальной адаптации индивида. Шульц рассматривает бедность как проблему недостатка человеческого капитала и делает вывод о необходимости системных вложений в развитие человеческих ресурсов для преодоления бедности¹. Спустя несколько лет Гэри Беккер развивает идею человеческого капитала и показывает, как уровень образования коррелирует с экономическим успехом, эффективностью, выбором стратегий поведения, а также с социальной мобильностью. В его исследовании приводятся оценки частных и общественных норм прибыли от инвестиций в высшее и среднее образование за последние двадцать пять лет, включая отдельные оценки для различных демографических групп. В модели Г. Беккера образование влияет не только на доход, но и на когнитивные способности, навыки принятия решений, рациональность поведения, что делает его ключевым фактором не только экономической, но и социальной стратификации². Таким образом, теоретическим обоснованием выбора уровня образования как стратификационного признака выступают прежде всего концепции человеческого капитала, в которых образование является определяющим фактором способности людей зарабатывать и адаптироваться в динамично меняющейся среде. В качестве одного из ключевых ресурсов выхода из бедности человеческий капитал в форме образования помогает малообеспеченным ориентироваться и взаимодействовать с институтами преодоления бедности, находить важную информацию, оценивать ее и доверять или не доверять структурам, поддерживающим бедных, обращаться за помощью, участвовать в программах помощи малоимущим гражданам и т. д. От включенности в институты как взаимодействия бедного с системами образования, здравоохранения, социальной поддержки, занятости и правосудия зависят доступ к ресурсам, защита прав и возможность выхода из бедности. Здесь действуют преимущественно вертикальные связи: гражданин – государство, клиент – служба, человек в трудной

¹ Schultz T.W. *Investment in human capital*. The American Economic Review. Accessed August 31, 2025. https://www.jstor.org/stable/pdf/1818907.pdf?casa_token=9A6-AuUdhOEAAAAA:VDrTEwWhG2FykiCTp5xEq3EOhfkhsGK_36FwIhNlxKLGcH_7p-JDyLEEsFR29a3kp75BPtTv8MT5G1pRbbOEwO_LTTY7-qyn5sc7etPMjYoojaGGbh4

² Coleman J.S. *Social Capital in the Creation of Human Capital*. Supplement: Organizations and Institutions: Sociological and Economic Approaches to the Analysis of Social Structure. Accessed August 31, 2025. <https://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.1086/228943>

жизненной ситуации – социально-ориентированные организации и важным условием эффективности является знание и соблюдение правил, обращение за правами, выполнение обязанностей.

Другой подход состоит в том, что образование как один из ключевых факторов, определяющих положение индивида в структуре социальной стратификации, влияет на способность индивида формировать и использовать социальные связи. В рамках теории социального капитала исследователи рассматривают образование как ресурс, обеспечивающий доступ не только к знаниям, но и к устойчивым социальным сетям, доверительным отношениям, институциональной вовлеченности и ценностям взаимной поддержки¹. Так, Р. Bourdieu интерпретирует социальный капитал как совокупность реальных и потенциальных ресурсов, возникающих из участия в устойчивых социальных отношениях. Хотя он не занимался бедностью напрямую, однако дал инструменты для анализа воспроизводства социального неравенства и бедности.

В противоположность этому J. S. Coleman трактует социальный капитал как функциональный ресурс, встраиваемый в структуру социальных взаимодействий². Он подчеркивает, что эффективность образования зависит от наличия доверительных отношений между учащимися, родителями и учителями. При этом школа может служить механизмом компенсации дефицита социального капитала в семьях с низким уровнем вовлеченности или экономических ресурсов, тем самым снижая межпоколенческое воспроизводство неравенства.

Таким образом, несмотря на различия в акцентах, все эти подходы сходятся в одном: образование оказывает критическое влияние на способность индивида создавать, поддерживать и использовать социальные связи, что имеет непосредственное значение для социальной мобильности, интеграции и воспроизводства стратификационных позиций.

Учитывая все это, анализ роли образования в стратификации бедных должен учитывать не только его экономические эффекты, но и социально-сетевые последствия, проявляющиеся в степени институциональной включенности и социальной активности. Обобщая вышеназванные подходы, можно утверждать, что уровень образования является значимым стратификационным фактором в исследованиях бедности, который влияет на следующее:

- поведенческие установки (пассивность/активность);
- финансовое поведение (займы, долги);
- взаимодействие с институтами (вовлеченность/отчуждение);
- перспективы социальной мобильности.

Эта модель соединяет идеи теории человеческого и социального капиталов. Для операционализации такой интегрированной модели мы вводим по-

¹ Bourdieu P. *The forms of capital*. In: Richardson J.G., ed. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Accessed August 31, 2025. <https://www.marxists.org/reference/subject/philosophy/works/fr/bourdieu-forms-capital.htm>

² Coleman J.S. *Social Capital in the Creation of Human Capital*. Supplement: Organizations and Institutions: Sociological and Economic Approaches to the Analysis of Social Structure. Accessed August 31, 2025. <https://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.1086/228943>

нятие «социальное пространство бедности», объединяющего два ключевых компонента: 1) сообщества и социальные сети как сферы влияния преимущественно социального капитала; 2) социальные институты и структуры как сферы, в которых наиболее значимым является человеческий капитал.

В рамках анализа социальное пространство бедности можно интерпретировать как среду, в которой бедные индивиды реализуют или ограничивают свои жизненные стратегии, в том числе связанные с взаимодействием с другими людьми (социальным окружением) и взаимодействием с социальными институтами.

Методология, материалы и методы

Исследовательская работа опиралась на ряд методологических подходов.

Авторы использовали теоретический метод исследования, основанный на обзорном анализе, а также количественные методы исследования для проверки теоретических гипотез на данных анкетного опроса.

Обзорный анализ включал в себе поиск среди зарубежных и отечественных публикаций вне зависимости от даты публикации, но с упором на актуальные публикации, изданные после 2016 года. Базы данных для поиска научных статей: Google Scholar, Web of Science, НЭБ, в частности ядро РИНЦ. Поиск осуществлялся как по ключевым словам, так и через дальнейший анализ цитирований ключевых публикаций. Ключевые слова для поиска научных статей, включали различные комбинации из следующих: poverty, education, poverty circle, chronic poverty, poverty problems, educational level, social capital, human capital, connection, influence, бедность, образование, замкнутый круг бедности, хроническая бедность, проблемы бедности, уровень образования, социальный капитал, человеческий капитал, связь, влияние.

В работе предлагается модель, объясняющая механизмы выхода из бедности через интеграцию теорий человеческого и социального капитала в контексте их действия в двух частях социального пространства бедности: институциональной и социально-сетевой. Основная идея модели заключается в том, что успешное преодоление бедности требует активации как индивидуальных ресурсов (человеческий капитал), так и сетевых, коллективных ресурсов (социальный капитал). Эти капиталы действуют через различные социальные среды и институты. Предлагается рассматривать социальное пространство бедности как двухуровневую структуру, включающую:

1. Неформальные сети и сообщества – это сфера повседневного взаимодействия бедного человека с близкими, соседями, друзьями, случайными знакомыми; здесь действуют горизонтальные связи, личная репутация, взаимная помощь и социальные ожидания; уровень включенности в социум может существенно влиять на выживание в бедности и психологическую устойчивость.

2. Социальные институты – это формализованные структуры и правила, например: институт образования; рынок труда; социальная защита (пособия,

службы занятости); государственные и муниципальные органы; медицина, суд, полиция и пр. Институты предполагают институциональное доверие, нормативное поведение и «официальную» включенность.

Итоговая структурная модель социального пространства бедности представлена в таблице 1.

Таблица 1
Структурная модель социального пространства бедности

Table 1

Structural model of the social space of poverty

Критерий / Criterion	Сообщества и сети (неформальные связи) / <i>Communities and networks (informal connections)</i>	Социальные институты (формальные структуры) / <i>Social institutions (formal structures)</i>
Природа связи / <i>Nature of connection</i>	Горизонтальные, личные / <i>Horizontal, personal</i>	Вертикальные, формализованные / <i>Vertical, formalised</i>
Тип взаимодействия / <i>Type of interaction</i>	Неофициальный, межличностный / <i>Unofficial, interpersonal</i>	Регламентированный, бюрократический / <i>Regulated, bureaucratic</i>
Примеры / <i>Examples</i>	Семья, соседи, друзья, землячество, локальное сообщество / <i>Family, neighbours, friends, local community, diaspora</i>	Школа, поликлиника, МФЦ, суд, органы соцзащиты / <i>School, clinic, public service centre (MFC), court, social welfare agencies</i>
Канал передачи ресурсов / <i>Channel of resource distribution</i>	Поддержка, помощь, информация, эмоциональное участие / <i>Support, assistance, information, emotional involvement</i>	Государственные услуги, пособия, программы, права / <i>Government services, benefits, programmes, legal rights</i>
Ожидаемый тип поведения / <i>Expected behaviour</i>	Взаимопомощь, лояльность, репутация / <i>Mutual aid, loyalty, reputation</i>	Соблюдение правил, обращение за правами, выполнение обязанностей / <i>Compliance with rules, claiming rights, fulfilling obligations</i>
Формирование доверия / <i>Formation of trust</i>	Через личный опыт, длительное знакомство / <i>Through personal experience, long-term familiarity</i>	Через функциональность, прозрачность, справедливость / <i>Through functionality, transparency, fairness</i>
Барьеры включения / <i>Barriers to inclusion</i>	Социальная изоляция, стигма / <i>Social isolation, stigma</i>	Недоверие к власти, правовая неграмотность, бюрократия / <i>Distrust in authority, legal illiteracy, bureaucracy</i>

Завершая обоснование методологии исследования, отметим ее особенности: 1) исследование развивает подходы анализа роли образования в социальной стратификации в контексте теорий человеческого и социального капитала, для многомерного объяснения бедности как стратифицированного и поведенчески вариативного явления; 2) объясняются механизмы выхода из

бедности через интеграцию теорий человеческого и социального капитала в контексте их действия в двух частях социального пространства бедности: институциональной и социально-сетевой; 3) итоговая аналитическая модель исследования представлена на схеме (рис. 1).

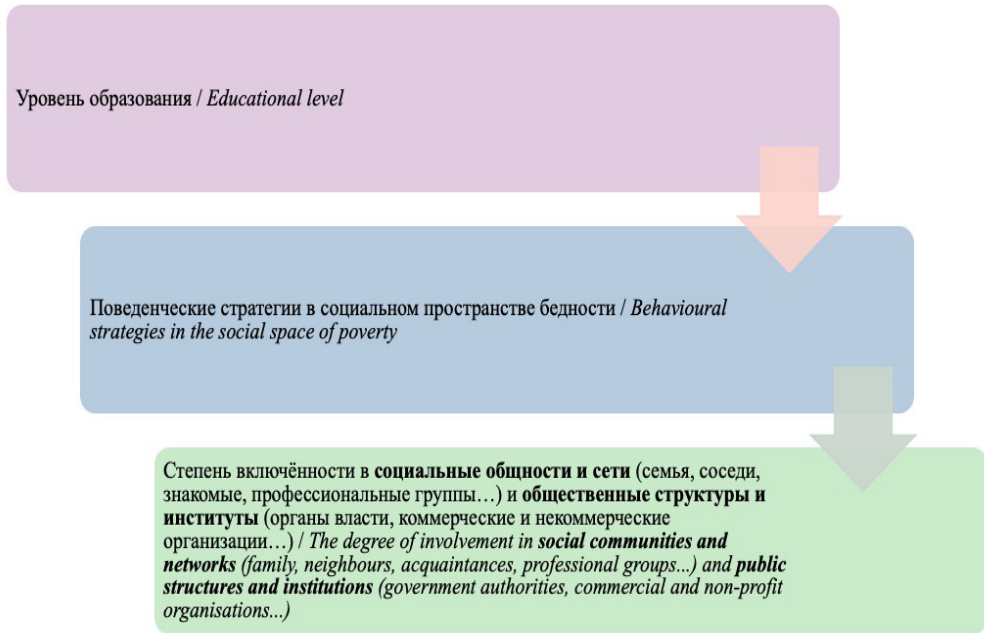

Рис. 1. Аналитическая модель исследования

Fig. 1. Analytical research model

Теоретическая рамка исследования сформировала запрос на данные и способы их сбора и обработки. Данный этап строился на опросных данных трудоспособного населения, имеющего доходы ниже прожиточного уровня. Используемая для анализа база данных сформирована на основе проведенного в июне 2023 г. в Свердловской области опроса населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, с общим числом опрошенных 2 273 человека [30]. Соответствующая группа населения опрашивалась в 70 муниципальных образованиях области, в том числе в Екатеринбурге – 38 %, городах с населением более 100 тыс. человек – 15 %, других муниципальных образованиях – 47 %. Квоты по типу поселения соответствуют генеральной совокупности по данным типам муниципальных образований. В ходе опроса были проведены процедуры, направленные на повышение качества и репрезентативности выборки, включающие широкое географическое распространение анкет, четкий ин-

структаж анкетеров, постоянную оперативную обратную связь с ними; в ходе последующей обработки данных, на этапе корректировки выборки исключены анкеты респондентов, в которых были применены те или иные стратегии минимизации усилий (линейное прохождение табличных вопросов, частые пропуски вопросов и др.), а затем проведен случайный отбор респондентов в анализируемую совокупность с сохранением заложенных квот по размеру территорий проживания. Все это позволило повысить качество собранных данных.

Для анализа были выбраны переменные, характеризующие:

1. *Структуру бедных по уровню образования.*

2. *Структуру инвестиций бедных в человеческий капитал.* Инвестиции измерялись через самооценку среднемесячного личного дохода и среднемесячных расходов на здоровье, аренду жилья, оплату жилищно-коммунальных услуг, одежду и еду).

3. *Стратегии пребывания в ситуации бедности.* Они оценивались через следующие переменные: 1) удовлетворенность условиями жизни в целом (использовалась количественная шкала от 1 (совершенно не удовлетворен) до 7 (полностью удовлетворен); 2) самооценка продолжительности пребывания в бедности (с вариантами ответов «менее года», «1–3 года», «3–5 лет», «5–10 лет», «более 10 лет», « всю жизнь »); 3) удовлетворенность от реализуемых в Свердловской области и использованных респондентом мер социальной поддержки малоимущего населения. В анализ были включены только те меры, которые в целом по массиву были отмечены как наиболее широко использованные. Это следующий перечень мер: социальный контракт, региональная социальная доплата к пенсии, бесплатная путевка на санаторно-курортное лечение, социальное пособие на погребение, ежемесячное пособие на проезд детям из многодетной семьи, частичная компенсация расходов на оплату стоимости путевок в организации отдыха детей и их оздоровления, единовременное пособие женщинам, родившим одновременно двух и более детей либо третьего и последующих детей, ежемесячное пособие на оплату жилья и ЖКУ, ежемесячная денежная выплата ветерану труда Свердловской области, обеспечение специальными молочными продуктами детского питания, компенсация расходов на приобретение одежды для посещения общеобразовательной организации, единовременная денежная выплата гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации. Оценка удовлетворенности производилась в относительных показателях, при этом уровень удовлетворенности респондентов с начальным образованием был принят за базовый.

4. *Взаимодействие с социальными общностями и институтами.* Этот аспект оценивался через две группы переменных: 1) переменные, отражающие характер взаимодействия с социальными общностями (в частности, с соседями – через наличие долгов по ЖКХ, с родственниками – через наличие долгов по алиментам, со знакомыми и коллегами – через наличие долгов перед род-

ственниками и знакомыми); 2) переменные, отражающие взаимодействие с институтами (оценивалось наличие ипотеки, кредитной карты, кредита, микрозайма).

5. *Отношение бедных к образованию.* Были использованы две переменные, измеряющие: 1) представление населения с доходами ниже прожиточного минимума о влиянии отсутствия образования на попадание в группу бедного населения; 2) перспективность получения дополнительного образования или квалификации как возможность улучшить свое материальное положение.

Используемые для анализа инструменты: статистические критерии Крайскелла-Уоллеса, корреляция Спирмена, критерий Хи-квадрат, программное обеспечение Microsoft Excel и Google Colab Python¹.

Результаты исследования

Распределение респондентов с доходами ниже прожиточного минимума на члена домохозяйства по уровням образования приведено в таблице 2.

Таблица 2

Структура бедных по уровню образования

Table 2

Distribution of the poor by education level

Образование / Education level	Абсолютное число, чел. / Absolute number, pers.	Структура, % / Structure, %
Начальное / Primary	168	7.4
Среднее общее / General secondary	484	21.3
Среднее профессиональное / Vocational secondary	1100	48.4
Высшее / Higher	521	22.9
Итого / Total	2273	100

Почти половина опрошенных имеет среднее профессиональное образование (48,4 %), практически в равных долях представлены респонденты с высшим и средним общим образованием (22,9 % и 21,3 % соответственно), самой мало представленной группой являются респонденты с начальным образованием (7,4 %). Таким образом, дальнейшие результаты будут представлены в разрезе перечисленных уровней образования.

С точки зрения инвестиции бедных в социальный капитал наблюдается следующая ситуация. Несмотря на то что все респонденты относятся к категории малоимущих, то есть имеющих доход ниже прожиточного минимума, наблюдается разница в средних личных доходах в группах респондентов с разным уровнем образования (табл. 3).

¹ Google Colaboratory. Accessed August 31, 2025. <https://colab.google/>

Структура инвестиций бедных в человеческий капитал

Table 3

Structure of human capital investments by the poor

Образование / Education level	Среднемесячные личные доходы, т. р. / Average monthly personal income, K RUB	Среднемесячные расходы, т. р. / Average monthly expenditures, K RUB				
		Здоровье / Health-care	Аренда жилья / Rent	ЖКУ / Utilities	Одежда / Clothing	Еда / Food
Начальное / Primary	12.38	2.45	4.91	4.33	3.10	8.99
Среднее общее / General secondary	12.37	2.34	3.98	4.50	3.45	0.42
Среднее профессиональ- ное / Vocational secondary	14.19	2.65	5.24	5.05	3.49	0.46
Высшее / Higher	16.77	2.85	6.67	5.76	3.87	1.96
Итого / Total	14.25	2.62	4.99	5.05	3.53	0.67
p-value (критерий Крите- рий Краскела-Уоллиса) / p-value (Kruskal-Wallis test)	< 0.01	< 0.01	0.5	< 0.01	< 0.01	< 0.01

Между среднемесячными личными доходами наблюдается статистически значимая разница: чем выше образование, тем выше личные доходы (Критерий Краскела – Уоллиса). Вместе с тем, с уровнем образования растут и расходы на здоровье, ЖКУ, одежду и еду с ростом уровня образования.

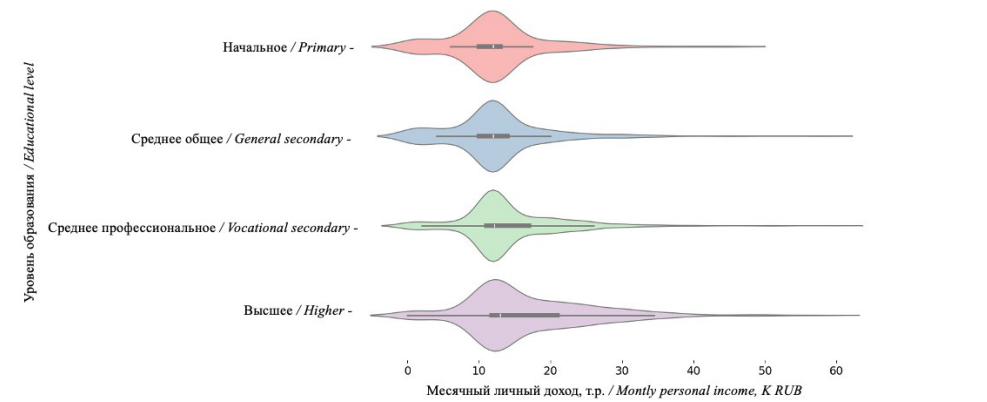

Рис. 2. Распределение месячных личных доходов по уровням образования

Fig. 2. Personal income distribution by educational qualification

Так как разница в среднем по доходам не столь значима, на рисунке 2 можно рассмотреть детализированную картину распределения личных до-

ходов по уровням образования. Медианные значения, так же, как и средние, практически неразличимы, что объясняется специфичностью выборки (ограниченность доходов величиной прожиточного минимума). Однако повышение уровня образования ведет к смещению распределения доходов в сторону роста доходов, т. е. разница между доходами по уровням образования действительно наблюдаема.

Стратегии пребывания в бедности

1. Удовлетворенность условиями жизни

Была проанализирована степень удовлетворенности условиями жизни по шкале от 1 до 7 (где 1 – совершенно неудовлетворен, 7 – полностью удовлетворен). Статистически значимая разница по среднему уровню удовлетворенности условиями жизни наблюдается между уровнями образования, при этом существенная разница зафиксирована между начальным (2,63) и высшим (3,02) уровнями образования ($p\text{-value} = 0.009$, критерий Критерий Краскела – Уоллиса) (рис. 3).

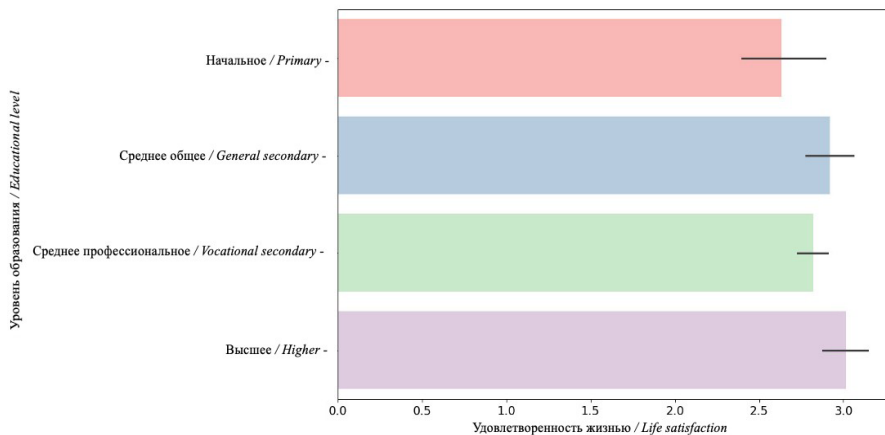

Рис. 3. Средняя удовлетворенность жизнью (по шкале от 1 до 7) и уровни образования

Fig. 3. Average life satisfaction (on a scale from 1 to 7) by education level

Средние значения по уровням образования: начальное – 2.63, среднее общее – 2.92, среднее профессиональное – 2.83, высшее – 3.02 (штрихи на графике – 95 % доверительный интервал для средних значений).

Note. The average values by education level are: primary – 2.63, general secondary – 2.92, vocational secondary – 2.83, higher – 3.02 (the strokes on the graph show a 95 % confidence interval for the average values).

В целом самооценка удовлетворенности жизнью достаточно слабо связана с уровнем дохода ($r = 0,118$, $p\text{-value} < 0.001$, корреляция Спирмена), т. е. удовлетворенность жизнью не может объясняться только более высоким доходом. Медианные значения уровня дохода повышаются в группе респондентов со средней степенью удовлетворенности жизнью до самой высокой ступени, но явной зависимости между доходом и удовлетворенностью жизни не наблюдается (рис. 4).

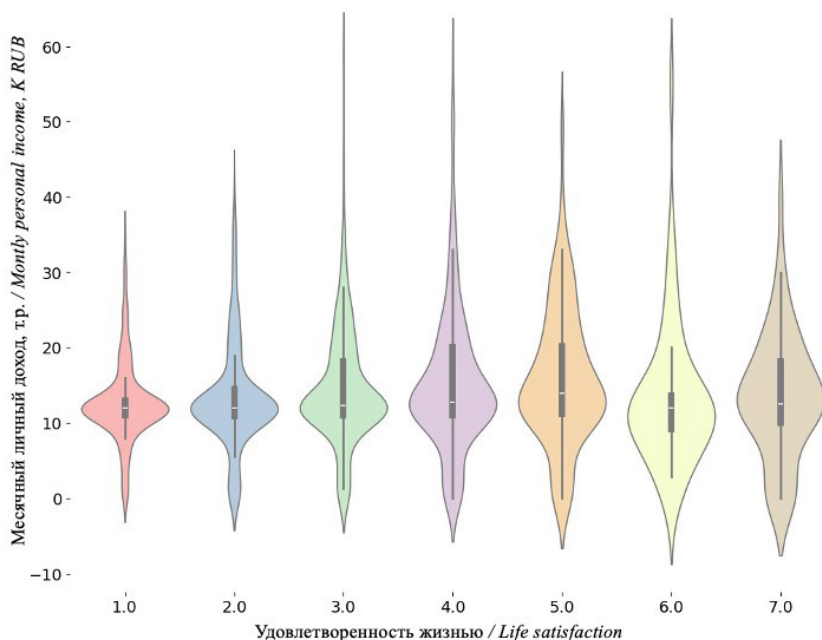

Рис. 4. Связь между удовлетворенности жизнью (по шкале от 1 до 7) и личным доходом

Fig. 4. Relationship between life satisfaction (on a scale from 1 to 7) and personal income

2. Ощущение длительности пребывания в бедности

Образование сокращает длительность нахождения в бедности по ощущениям респондентов (табл. 4). В таблице показано распределение респондентов по уровням образования и продолжительности пребывания в ситуации материального неблагополучия. Показаны доли респондентов, указавших указанную длительность пребывания в бедности. Можно заметить, что разница по уровням образования наблюдается для длительности от 10 лет и более: чем

выше уровень образования, тем ниже вероятность остаться в бедности ($p\text{-value} < 0.01$, критерий Хи-квадрат). Например, среди респондентов, указавших, что находятся в ситуации бедности «всю жизнь», 23 % имеют начальное образование и только 10 % высшее образование.

Таблица 4
Связь уровня образования и ощущения длительности пребывания в бедности (указаны доли респондентов от их общего количества)

Table 4
Relationship between education level and perceived duration of poverty (the percentage of respondents from their total number is indicated)

Образование / Education level	Длительность пребывания в ситуации бедности / Poverty duration					
	Менее года / Less than one year	1–3 года / 1–3 years	3–5 лет / 3–5 years	5–10 лет / 5–10 years	Более 10 лет / More than 10 years	Всю жизнь / Entire life
Начальное / Primary	3 %	8 %	10 %	13 %	15 %	23 %
Среднее общее / General secondary	3 %	10 %	12 %	12 %	13 %	15 %
Среднее профессио- нальное / Vocational secondary	3 %	10 %	11 %	13 %	12 %	14 %
Высшее / Higher	2 %	11 %	12 %	13 %	9 %	10 %

3. Удовлетворенность от использованных существующих в Свердловской области мер социальной поддержки малоимущего населения.

Для преодоления бедности государством предлагаются разнообразные меры социальной поддержки. Респондентам, которые пользовались теми или иными мерами в Свердловской области, предлагалось оценить существующие региональные меры социальной поддержки (перечислены в методах исследования) с точки зрения использования и удовлетворенности ими. Если принять уровень удовлетворенности от использованных социальных мер поддержки у респондентов с начальным образованием за базовый, тогда степени удовлетворенности по уровням образования будут следующими:

- начальное – 1;
- среднее общее – 1,25;
- среднее профессиональное – 1,17;
- высшее – 1,16.

Заметим, что наблюдается разница в уровнях удовлетворенности от полученных социальных мер поддержки между респондентами с начальным уровнем образования и остальными.

Взаимодействие с социальными общностями и институтами

1. Характер взаимодействия бедных с социальными общностями

Можно предположить, что долги по ЖКУ, алиментам и долги родственникам и знакомым являются показателями взаимодействия бедных с социальными общностями.

Если рассматривать эти задолженности в разрезе уровней образования, то можно заметить, что долги по алиментам падают с ростом уровня образования ($p\text{-value} = 0.08$, критерий Хи-квадрат), а долги по ЖКУ падают существенно – с 17,9 % у людей с начальным образованием до 10,9 % у людей с высшим образованием ($p\text{-value} < 0.01$, критерий Хи-квадрат). Соответственно, образование приводит человека к более ответственному поведению как гражданина, трансформируя его поведение в менее маргинальное.

В то же время, по долгам перед окружающими нет связи с уровнем образования, но разница значимая ($p\text{-value} < 0.01$, критерий Хи-квадрат); при этом в среднем их имеет около 25 % из опрошенных, что, например, больше, чем долги по алиментам или ЖКУ.

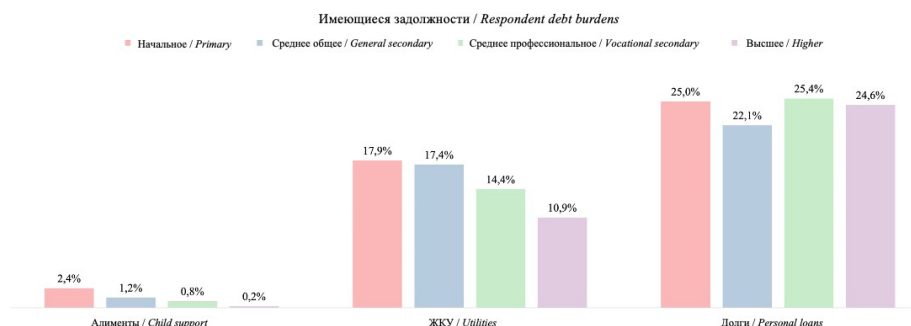

Рис 5. Задолженности респондентов по алиментам, ЖКУ и долгами перед родственниками и знакомыми в разрезе уровней образования

Fig. 5. Respondent debt burdens (child support, utilities, and personal loans) by education level

2. Взаимодействие бедных с институтами

Финансовые инструменты, которые могут выступать характеристикой взаимодействия малоимущего населения с институтами, – это имеющиеся микрозаймы, кредиты, кредитные карты и ипотека.

В разрезе уровней образования можно заметить, что разницы по кредитам в группах респондентов с разным образованием не наблюдается, – их берет примерно каждый 4-ый из опрошенных ($p\text{-value} = 0.9$, критерий Хи-квадрат). Микрозаймы берут скорее люди без образования: среди респондентов с начальным образованием таких людей 8,9 %, в то время как в группе опрошен-

ных с высшим образованием – только 2,9 % ($p\text{-value} < 0.01$, критерий Хи-квадрат).

По кредитным картам и ипотеке, наоборот, наблюдается рост использования финансовых инструментов с ростом уровня образования ($p\text{-value} < 0.01$, критерий Хи-квадрат). Соответственно, люди с образованием более склонны улучшать свои жилищные условия.

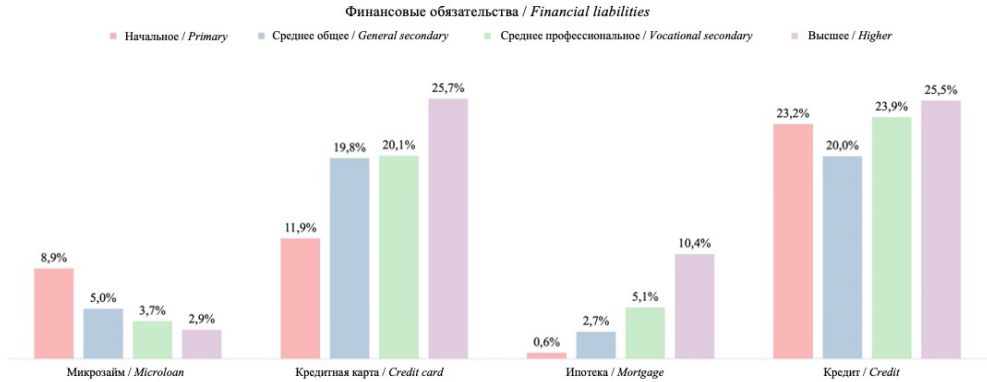

Рис 6. Имеющиеся финансовые обязательства в разрезе уровней образования

Fig. 6. Distribution of financial liabilities across educational attainment levels

Отношение к образованию

Анкетированных просили выбрать из списка те группы населения, кого можно, по их мнению, прежде всего, отнести к категории бедных. Среди респондентов с начальным образованием 21 % отнесли отсутствие образование как фактор попадания в бедности, со средним общим – 19 %, со средним профессиональным – 18 %, с высшим – 20 %. Это в какой-то мере позволяет судить о том, что образование в глазах бедного населения ассоциируется с отсутствием ситуации материального неблагополучия, что практически каждый пятый из опрошенных понимает важность образования для преодоления бедности. При этом, получение дополнительного образования или квалификации как возможности преодоления бедности оценивается следующим образом: 47 % считают эту возможность перспективной (начальное – 45 %, среднее общее – 42 %, среднее профессиональное – 43 %, высшее – 44 %), 11 % использовали такую возможность (начальное – 4 %, среднее общее – 6 %, среднее профессиональное – 9 %, высшее – 17 %), 19 % отметили, что используют такую возможность в будущем (начальное – 18 %, среднее общее – 18 %, среднее профессиональное – 15 %, высшее – 18 %).

Обсуждение

Анализ полученных данных показывает, что среди респондентов с доходами ниже прожиточного минимума наибольшую долю составляют лица со средним профессиональным образованием (48,4 %). Почти в равных долях представлены респонденты с высшим (22,9 %) и средним общим образованием (21,3 %), а наименее многочисленной группой являются лица с начальным образованием (7,4 %). Однако это не может свидетельствовать о низкой отдаче образовательных инвестиций, особенно когда речь идет о группе с профессиональным средним образованием. Полученные результаты могут содержать систематические смещения, связанные с особенностями отбора респондентов, и должны рассматриваться как ориентировочные. Более точная интерпретация долей бедных по уровню образования возможна в дальнейшем при повторном опросе с квотами по полу, возрасту, месту жительства и образованию. Корректные обобщения мы можем сделать только в отношении лиц с самым низким уровне образования, так как доли практически совпадают – в регионе она лишь на 0,3 п.п. выше, чем в стране в целом [31].

Ограничение в интерпретации данных, описанное выше, не распространяется на полученные данные структуры инвестиций бедных в человеческий капитал, стратегий преодоления бедности и взаимодействие с институтами и сообществами. С позиций оценки инвестиций в человеческий капитал данные таблицы «Структура инвестиций бедных в человеческий капитал» показывают, что рост уровня образования сопровождается увеличением среднемесячных личных доходов: от 12,38 тыс. руб. при начальном до 16,77 тыс. руб. при высшем. Это отражает базовую логику теории человеческого капитала – образование как инвестиция в знания и навыки повышает производительность и потенциальный доход. Однако, в рамках рассматриваемой выборки (все респонденты – малоимущие) эффект «доходного прироста» ограничен потолком, задаваемым прожиточным минимумом, поэтому прирост доходов по мере роста образования относительно невелик в абсолютных величинах. Рост дохода у лиц с более высоким уровнем образования сопровождается и ростом расходов по ключевым статьям – здоровье, ЖКУ, одежда, еда. Это может свидетельствовать о том, что дополнительные доходы частично направляются на улучшение качества жизни и удовлетворение более разнообразных потребностей, что согласуется с концепцией «возврата» на вложения в человеческий капитал не только в денежной, но и в немонетарной форме (лучшее здоровье, социальная интеграция, повышение качества потребления).

Аналогичный тренд мы видим при анализе социального самочувствия бедных: с ростом уровня образования наблюдается постепенное повышение средней оценки удовлетворенности жизнью. Если для малообразованных бедных эта оценка равна 2,63, то для имеющих высшее образование – 3,02, что демонстрирует статистически значимую разницу. Очевидно, что удовлетворенность жизнью формируется и нематериальными факторами (социальные

связи, чувство безопасности, психологическое состояние, возможности самореализации и т. д.) Более высокий уровень образования обеспечивает не только экономические выгоды, но и немонетарные – расширение социальных контактов, больший контроль над жизненными обстоятельствами, доступ к культурным и информационным ресурсам. Эти факторы, связанные с социальным капиталом личности, способны повышать удовлетворённость жизнью, даже если прирост дохода относительно невелик. Вместе с тем нельзя не видеть, что этот эффект носит ограниченный характер. В исследуемой группе (все респонденты – малоимущие) образование повышает удовлетворённость весьма умеренно и, в условиях хронического материального неблагополучия, социальная капитализация образования «малоодоходна».

Более высокий уровень социального оптимизма и уверенности, присущий образованным бедным формирует стратегию стремления выхода из бедности в отличие от стратегии примирения с бедностью. Анализируя данные таблицы «Связь уровня образования и длительность пребывания в ситуации бедности» мы видим, что чем выше уровень образования, тем ниже доля респондентов, находящихся в бедности длительное время (более 10 лет или всю жизнь): среди тех, кто указал, что находится в бедности всю жизнь, 23 % имеют начальное образование, тогда как среди обладателей высшего образования таких всего 10 %. Меньшая длительность бедности при более высоком образовании может отражать не только объективные преимущества (лучшие рабочие места), но и субъективную установку на преодоление неблагополучия: готовность к переменам, поиску решений, использованию образовательных и карьерных возможностей.

В то же время мы видим, что в интервалах «менее года» и «1–3 года» доли респондентов близки во всех образовательных группах (2–3 % и 8–11 % соответственно), что говорит о том, что начальный этап попадания в бедность может быть слабо связан с образованием и эти данные нуждаются в проведении дополнительных исследований для корректной интерпретации. Аналогичная ситуация характерна для среднесрочных периодов (3–10 лет) пребывания в бедности. Здесь доли распределены относительно равномерно, без выраженной зависимости от образования, что может отражать влияние других факторов (рынок труда, здоровье, семейные обстоятельства), что требует также дополнительного исследования и анализа.

Таким образом, данные о длительности пребывания в бедности в зависимости от уровня образования позволяют предположить наличие связи между уровнем образования и приверженностью стратегии выхода из неблагополучия. Более высокий образовательный статус сопровождается меньшей долей респондентов, находящихся в бедности длительное время (более 10 лет или всю жизнь), что может отражать как объективные преимущества на рынке труда, так и более активное использование возможностей для улучшения материального положения. Образованные респонденты, вероятно, обладают более широким набором знаний, навыков и социальных ресурсов, что повышает их готовность к

действиям, направленным на преодоление бедности. Хотя эти данные являются косвенным свидетельством и не фиксируют стратегическую активность напряжённую, выявленная зависимость указывает на важность образования как фактора, повышающего вероятность выхода из состояния хронической бедности.

Исследуя взаимодействие бедных с различными институтами общества и власти, мы в этой работе ограничились анализом только некоторых из них – органами власти и финансовыми организациями – как наиболее значимыми акторами в преодолении бедности. При этом для первых в качестве единицы анализа нами была выбрана удовлетворённость мерами социальной поддержки, а для финансовых институтов – интенсивность использования. Различие единиц анализа было обусловлено тем, что пакет мер социальной поддержки определяется государством и выбор его предельно нормирован правовыми документами разного уровня, а также индивидуальными особенностями, включая здоровье, в то время как пакет финансовых услуг для бедных связан с их выбором, отражающим целый ряд их персональных социальных характеристик: информированность, склонность к риску, наличие репутации и т. д. Полученные данные показывают, что удовлетворённость мерами социальной поддержки различается в зависимости от уровня образования. Различия в оценке государственных мер можно объяснить разной структурой социального капитала. Менее образованные респонденты чаще ориентируются на поддержку, обеспечивающую базовые потребности, что может отражать более узкие и локальные социальные связи, тогда как более образованные – на меры, помогающие решать краткосрочные кризисы, что может говорить о более широкой сети ресурсов, которую они используют параллельно с господдержкой.

Анализ взаимодействия с финансовыми структурами показал, что микрозаймы чаще используют лица с низким образованием (8,9 % против 2,9 % при высшем), тогда как применение кредитных карт и ипотек растёт с повышением образовательного уровня, отражая большую финансовую включённость и ориентацию на улучшение жилищных условий. Более образованные респонденты характеризуются более тесным взаимодействием с институциональной средой – банками, кредитными организациями. Это отражает наличие социального капитала внутри своей социальной группы (включая персонал этих организаций), который расширяет доступ к ресурсам. Преобладание микрозаймов среди менее образованных может свидетельствовать об ограниченности их институциональных и межличностных связей: у них меньше возможностей получить поддержку от банков или от своих социальных сетей (родственников, коллег), и они вынуждены обращаться к менее выгодным источникам.

Эти различия указывают на то, что уровень образования влияет не только на финансовое поведение и доступ к ресурсам, но и на стратегию взаимодействия с государством и сообществом в условиях бедности. Выявленные различия указывают, что более высокий уровень образования сопряжён с расширенными социальными связями и большей интеграцией в институциональную среду, что проявляется в более активном использовании доступных мер поддержки и финансовых инструментов.

Резюмируя, отметим, что проведенная стратификация бедного населения по уровню образования и сопутствующим социально-экономическим характеристикам демонстрирует определенную научную ценность для анализа использования человеческого и социального капиталов в преодолении бедности. Так, М. Warren [32] и Т. Claridge также подчеркивают важность социального капитала для преодоления и предотвращения бедности¹. Полученные в статье данные подтверждают, что образование, являясь ключевым элементом человеческого капитала, влияет не только на уровень доходов и длительность пребывания в бедности, но и на финансовое поведение, приоритеты в потреблении и стратегии взаимодействия с институтами и сообществом. Ранее S. Jian также обнаружил на данных из сельского Китая, что человеческий капитал имеет положительное влияние на сокращение бедности, причем он обладает более долгосрочным эффектом, чем социальный капитал [33]. В свою очередь, нами выявлено, что социальный капитал – в виде объема и качества социальных связей, доступа к ресурсам и интеграции в институциональную среду – выступает важным модератором отдачи от образовательных инвестиций, определяя их реальную эффективность в преодолении бедности. Аналогично вклад социального капитала в уменьшение бедности был обнаружен L. Hong на данных китайских приграничных районов [34] и S. Yunus на данных из сельской Индонезии [35]. Однако явной модели, связывающей бедность, социальный и человеческий капиталы и уровень образования, в литературе не обнаружено.

Таким образом, комплексный подход, учитывающий стратификацию бедных по параметрам использования человеческого и социального капиталов, позволяет глубже понять механизмы социально-экономической уязвимости и формировать более адресные меры политики по снижению бедности.

Заключение

Проведенное исследование позволило в значительной мере ответить на поставленный исследовательский вопрос: Как уровень образования влияет на поведение бедных по отношению к социальным институтам и окружению? Анализ эмпирических данных показал, что уровень образования действительно является важным фактором, определяющим специфику взаимодействия малоимущего населения с государственными и финансовыми институтами, а также характер их социальных связей.

Полученные результаты подтвердили выдвинутую гипотезу о том, что уровень образования способствует более высокой степени институциональной и социальной включенности бедных. У респондентов с высшим и средним профессиональным образованием наблюдается широкий доступ к финансовым инструментам, активное использование мер государственной поддержки, а также большая интеграция в социальное окружение и опора на разнообразные

¹ Claridge T. Social capital and poverty alleviation. Social Capital Research. 2020. Accessed August 31, 2025. <https://www.socialcapitalresearch.com/wp-content/uploads/2020/01/Social-capital-and-poverty-alleviation.pdf>

ресурсы. Это выражается в стратегиях преодоления бедности, а не примирения с нею, повышенном уровне социального оптимизма и готовности к переменам.

Новизна подхода исследования состоит в том, что впервые уровень образования рассматривается как стратификационный признак в контексте формируемого им человеческого и социального капитала. Такой комплексный взгляд позволяет не только оценить прямое влияние образования на экономические показатели (доход, длительность пребывания в бедности), но и выявить его роль в немонетарных аспектах благополучия – расширении социальных связей, интеграции в институциональную среду, формировании стратегий преодоления неблагополучия. Это дает возможность глубже понять механизмы воспроизводства бедности и определить роль образовательного фактора в снижении рисков попадания в состояние бедности, и разрабатывать адресные меры социальной политики.

Перспективы исследования видятся в дальнейшем углублении интерпретации вводимого в научный оборот понятия «социальное пространство бедности», интегрирующего сообщества и социальные сети как сферы влияния преимущественно социального капитала, где действуют горизонтальные связи, личная репутация, взаимная помощь и социальные ожидания, формирующие психологическую устойчивость и выживание в условиях бедности, а также социальные институты и структуры – сферы, в которых наиболее значимым является человеческий капитал, предполагающий взаимодействие с формализованными структурами (образование, рынок труда, социальная защита, медицина, органы власти) через институциональное доверие, нормативное поведение и «официальную» включенность. В рамках данного подхода социальное пространство бедности может быть понято как среда, в которой бедные индивиды реализуют или ограничивают свои жизненные стратегии – как в повседневном взаимодействии с другими людьми, так и во взаимодействии с формальными институтами. Нами предложена модель, объясняющая механизмы выхода из бедности через интеграцию теорий человеческого и социального капитала в контексте двух частей социального пространства бедности – институциональной и социально-сетевой. Основная идея модели состоит в том, что успешное преодоление бедности требует активации как индивидуальных ресурсов (человеческий капитал), так и сетевых, коллективных ресурсов (социальный капитал), действующих через различные социальные среды и институции.

Актуальность решения поставленного вопроса подтверждается тем, что понимание особенностей субъективных ориентаций различных социально-демографических подгрупп с доходами ниже прожиточного минимума позволяет выстраивать более адресное взаимодействие с ними со стороны территориальных управлений социальной политики субъектов РФ. Полученные выводы могут быть использованы для разработки комплексных мер, сочетающих поддержку повышения образовательного уровня, развитие социальных связей и расширение институциональной включенности, что способно повысить устойчивость бедных домохозяйств к экономическим рискам и снизить вероятность долговременной бедности.

Список использованных источников

1. Клисторин В.И. О бедности в России и в мире. *Идеи и идеалы*. 2019;11(3-2):264–280. doi:10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-264-280
2. Tilak J.B. Education and poverty. *Journal of Human Development*. 2002;3(2):191–207. doi:10.1080/14649880220147301
3. Khan M.T. Role of education in poverty reduction (a literature review). *International Journal of Information, Business and Management*. 2015;7(3):124. doi:10.47353/ecbis.v3i2.173
4. Barham V., Boadway R., Marchand M., Pestieau P. Education and the poverty trap. *European Economic Review*. 1995;39(7):1257–1275. doi:10.1016/0014-2921(94)00040-7
5. Ferguson H.B., Bovaird S., Mueller M.P. The impact of poverty on educational outcomes for children. *Paediatrics & Child Health*. 2007;12(8):701–706. doi:10.1093/pch/12.8.701
6. Алехин Б.И. Монетарная бедность и образование в России. *Финансовый журнал*. 2023;15(4):43–62. doi:10.31107/2075-1990-2023-4-43-62
7. Awan M.S., Malik N., Sarwar H., Waqas M. Impact of education on poverty reduction. *International Journal of Academic Research*. 2011;3(1):659–664. Accessed August 31, 2025. <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/31826/>
8. Benadusi L. Equity and education. In: Hutmacher W., Cochrane D., Bottani N., eds. *In Pursuit of Equity in Education*. Dordrecht: Springer; 2001:25–64. doi:10.1007/0-306-47579-0_2
9. Hershock P.D. Education and alleviating poverty: educating for equity and diversity. In: Mason M., Hershock P.D., Hawkins J.N., eds. *Changing Education: Leadership, Innovation and Development in a Globalizing Asia Pacific*, vol. 20. Dordrecht: Springer; 2007:115–134. doi:10.1007/978-1-4020-6583-5_5
10. Arsani A.M., Ario B., Ramadhan A.F. Impact of education on poverty and health: evidence from Indonesia. *Economics Development Analysis Journal*. 2020;9(1):87–96. doi:10.15294/edaj.v9i1.34921
11. Panduwina L.F., Subroto W.T., Sakti N.K. Education in poverty reduction: a systematic literature review. *Economics and Business Journal*. 2024;3(2):147–156. doi:10.47353/ecbis.v3i2.173
12. Paraschiv C.I. The role of education in poverty alleviation. *Theoretical and Applied Economics*. 2017;0(special):115–134. Accessed August 31, 2025. <https://core.ac.uk/download/pdf/234648043.pdf>
13. Khan M.Y., Alvi A.K., Chishti M.F. An investigation on the linkages between poverty and education: a statistical review. *Gomal University Journal of Research*. 2019;35(1):44–53. Accessed August 31, 2025. <http://www.gujr.com.pk/index.php/GUJR/article/view/259>
14. Bartik T.J., Hershbein B.J. Degrees of poverty: the relationship between family income background and the returns to education. *Upjohn Institute Working Paper*. 2018;18(284):1–53. doi:10.17848/wp18-284
15. Shi Z., Qamruzzaman M. Re-visiting the role of education on poverty through the channel of financial inclusion: evidence from lower-income and lower-middle-income countries. *Frontiers in Environmental Science*. 2022;10:1–17. doi:10.3389/fenvs.2022.873652
16. Bici R., Çela M. Education as an important dimension of the poverty. *European Journal of Multidisciplinary Studies*. 2017;4(3):88–95. doi:10.26417/ejms.v4i3.p88-95
17. Белопащенко П.В., Слободенюк Е.Д., Мареева С.В. Объективная и субъективная бедность в России: что принесли последние 20 лет. *Вестник Института социологии*. 2024;15(4):34–59. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnaya-i-subektivnaya-bednost-v-rossii-cto-prinesli-poslednie-20-let/viewer> (дата обращения: 25.09.2025).
18. Пастухова Е.Я., Бельчик Т.А., Кочнева О.П. Доходы, бедность и потребительские расходы населения регионов: долгосрочные тренды и факторы влияния. *Вопросы управления*. 2023;3(82):5–18. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dohody-bednost-i-potrebitelskie-rashody-naseleniya-regionov-dolgosrochnye-trendy-i-factory-vliyaniya/viewer> (дата обращения: 25.09.2025).

19. Манаева И.В., Мельников В.В. Бедность, демографическое развитие и экономический рост в российских регионах: оценка взаимосвязи. *Проблемы развития территории*. 2024;28(4):102–119. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bednost-demograficheskoe-razvitiye-i-ekonomicheskij-rost-v-rossijskih-regionah-otsenka-vzaimosvyazi/viewer> (дата обращения: 25.09.2025).
20. Posselt J.R., Grodsky E. Graduate education and social stratification. *Annual Review of Sociology*. 2017;43(1):353–378. doi:10.1146/annurev-soc-081715-074324
21. Eto Y. Education or tool for social stratification? *The Sanyo Review*. 2016;22:41–52. Accessed August 31, 2025. <https://student.sguc.ac.jp/uploads/page/unit/files/ab8d2be78c1b-354f67905447aae15899.pdf>
22. Косарецкий С.Г., Пинская М.А., Груничева И.Г. Проблемы бедности и доступа к образованию. Оценка ситуации в России и международный опыт. *Мир России. Социология. Этнология*. 2014;23(2):133–153. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-bednosti-i-dostupa-k-obrazovaniyu-otsenka-situatsii-v-rossii-i-mezhdunarodnyy-opyt> (дата обращения: 31.08.2025).
23. Овчарова Л.Н. Бедность и экономический рост в России. *Журнал исследований социальной политики*. 2008;6(4):439–456. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bednost-i-ekonomicheskij-rost-v-rossii> (дата обращения: 31.08.2025).
24. Пишняк А.И., Халина Н.В., Назарбаева Е.А., Горяйнова А.Р. Уровень и профиль хронической бедности в России. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2021;2(50):56–73. doi:10.31737/2221-2264-2021-50-2-3
25. Ярошенко С.С. «Новая бедность» в России после социализма. *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 2010;2(2):221–251. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/hovaya-bednost-v-rossii-posle-sotsializmaa> (дата обращения: 31.08.2025).
26. Сорокин П.А. *Социальная мобильность*. Москва: Academia, LVS; 2005. 588 с. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002713169/ (дата обращения: 03.08.2025).
27. Мартыанов В.С. Социальная стратификация современных обществ: от экономических классов к рентным группам? *Социологические исследования*. 2016;10(390):139–148. Режим доступа: https://socis.isras.ru/files/File/2016/2016_10/Martyanov.pdf (дата обращения: 31.08.2025).
28. Round J., Kosterina E. The construction of ‘poverty’ in post-Soviet Russia. *Perspectives on European Politics and Society*. 2005;6:403–434. doi:10.1163/156802505774576507
29. Тихонова Н.Е. Феномен бедности в современной России. *Социологические исследования*. 2014;1(357):7–19. Режим доступа: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/3ggw75731e/144329716.pdf> (дата обращения: 31.08.2025).
30. Багирова А.П., Герасимова Е.А., Злоказов А.В., Нешатаев А.В., Чернышева И.В. Свидетельство о регистрации базы данных «Исследование бедности среди граждан трудоспособного возраста в Свердловской области». RU2024620111, 10.01.2024. Заявка N2023625063, 21.12.2023.
31. Бондаренко Н.В., Варламова Т.А., Гохберг Л.М. *Индикаторы образования: статистический сборник*. Москва: ИСИЭЗ ВШЭ; 2025. 452 с. doi:10.17323/978-5-7598-3030-6
32. Warren M.R., Thompson J.P., Saegert S. The role of social capital in combating poverty. *Social Capital and Poor Communities*. 2001;3:1–28. Accessed August 31, 2025. https://www.russellsage.org/sites/default/files/Saegert_chapter1_pdf_0.pdf
33. Jian S. Multidimensional poverty in rural China: human capital vs social capital. *Economics*. 2025;19(1):20250140. doi:10.1515/econ-2025-0140
34. Hong L., Tisdell C., Fei W. Poverty and its reduction in a Chinese border region: is social capital important? *Journal of the Asia Pacific Economy*. 2019;24(1):1–23. doi:10.1080/13547860.2019.1591743
35. Yunus S., Zainal S., Jalil F., Sari C.M.A. Correlation of social capital and poverty farmers in Aceh. *Humanities and Social Sciences Reviews*. 2020;8(1):20–26. doi:10.18510/hssr.2020.813

References

1. Klistorin V.I. On poverty in Russia and the world. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*. 2019;11(3-2):264–280. (In Russ.) doi:10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-264-280
2. Tilak J.B. Education and poverty. *Journal of Human Development*. 2002;3(2):191–207. doi:10.1080/14649880220147301
3. Khan M.T. Role of education in poverty reduction (a literature review). *International Journal of Information, Business and Management*. 2015;7(3):124. doi:10.47353/ecbis.v3i2.173
4. Barham V., Boadway R., Marchand M., Pestieau P. Education and the poverty trap. *European Economic Review*. 1995;39(7):1257–1275. doi:10.1016/0014-2921(94)00040-7
5. Ferguson H.B., Bovaird S., Mueller M.P. The impact of poverty on educational outcomes for children. *Paediatrics & Child Health*. 2007;12(8):701–706. doi:10.1093/pch/12.8.701
6. Alekhin B.I. Monetary poverty and education in Russia. *Finansovyi zhurnal = Financial Journal*. 2023;15(4):43–62. (In Russ.) doi:10.31107/2075-1990-2023-4-43-62
7. Awan M.S., Malik N., Sarwar H., Waqas M. Impact of education on poverty reduction. *International Journal of Academic Research*. 2011;3(1):659–664. Accessed August 31, 2025. <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/31826/>
8. Benadusi L. Equity and education. In: Hutmacher W., Cochrane D., Bottani N., eds. *In Pursuit of Equity in Education*. Dordrecht: Springer; 2001:25–64. doi:10.1007/0-306-47579-0_2
9. Hershock P.D. Education and alleviating poverty: educating for equity and diversity. In: Mason M., Hershock P.D., Hawkins J.N., eds. *Changing Education: Leadership, Innovation and Development in a Globalizing Asia Pacific*, vol. 20. Dordrecht: Springer; 2007:115–134. doi:10.1007/978-1-4020-6583-5_5
10. Arsani A.M., Ario B., Ramadhan A.F. Impact of education on poverty and health: evidence from Indonesia. *Economics Development Analysis Journal*. 2020;9(1):87–96. doi:10.15294/edaj.v9i1.34921
11. Panduwina L.F., Subroto W.T., Sakti N.K. Education in poverty reduction: a systematic literature review. *Economics and Business Journal*. 2024;3(2):147–156. doi:10.47353/ecbis.v3i2.173
12. Paraschiv C.I. The role of education in poverty alleviation. *Theoretical and Applied Economics*. 2017;0(special):115–134. Accessed August 31, 2025. <https://core.ac.uk/download/pdf/234648043.pdf>
13. Khan M.Y., Alvi A.K., Chishti M.F. An investigation on the linkages between poverty and education: a statistical review. *Gomal University Journal of Research*. 2019;35(1):44–53. Accessed August 31, 2025. <http://www.gujr.com.pk/index.php/GUJR/article/view/259>
14. Bartik T.J., Hershbein B.J. Degrees of poverty: the relationship between family income background and the returns to education. *Upjohn Institute Working Paper*. 2018;18(284):1–53. doi:10.17848/wp18-284
15. Shi Z., Qamruzzaman M. Re-visiting the role of education on poverty through the channel of financial inclusion: evidence from lower-income and lower-middle-income countries. *Frontiers in Environmental Science*. 2022;10:1–17. doi:10.3389/fenvs.2022.873652
16. Bici R., Çela M. Education as an important dimension of the poverty. *European Journal of Multidisciplinary Studies*. 2017;4(3):88–95. doi:10.26417/ejms.v4i3.p88-95
17. Belopashentseva P.V., Slobodenyuk E.D., Mareeva S.V. Objective and subjective poverty in Russia: what have the last 20 years brought. *Vestnik instituta sotziologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2024;15(4):34–59. (In Russ.) Accessed September 25, 2025. <https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnaya-i-subektivnaya-bednost-v-rossii-chto-prinesli-poslednie-20-let/viewer>
18. Pastukhova E.Ya., Belchik T.A., Kochneva O.P. Income, poverty and consumer spending of the regional population: long-term trends and influencing factors. *Voprosi upravleniya = Management Issues*. 2023;3(82):5–18. (In Russ.) Accessed September 25, 2025. <https://cyberleninka.ru/article/n/dohody-bednost-i-potrebitelskie-rashody-naseleniya-regionov-dolgosrochnye-trendy-i-faktory-vliyaniya/viewer>

19. Manaeva I.V., Melnikov V.V. Poverty, demographic development and economic growth in Russian regions: assessment of the relationship. *Problemy razvitiya territorii = Problems of Territory's Development*. 2024;28(4):102–119. (In Russ.) Accessed September 25, 2025. <https://cyberleninka.ru/article/n/bednost-demograficheskoe-razvitie-i-ekonomicheskii-rost-v-rossiyskikh-regionah-otsenka-vzaimosvyazi/viewer>
20. Posselt J.R., Grodsky E. Graduate education and social stratification. *Annual Review of Sociology*. 2017;43(1):353–378. doi:10.1146/annurev-soc-081715-074324
21. Eto Y. Education or tool for social stratification? *The Sanyo Review*. 2016;22:41–52. Accessed August 31, 2025. <https://student.sguc.ac.jp/uploads/page/unit/files/ab8d2be78c1b354f67905447aee15899.pdf>
22. Kosaretskiy S.G., Pinskaya M.A., Grunicheva I.G. Poverty issues and access to education: assessment of the situation in Russia and international experience. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya = Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2014;23(2):133–153. (In Russ.) Accessed August 31, 2025. <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-bednosti-i-dostupa-k-obrazovaniyu-otsenka-situatsii-v-rossii-i-mezhdunarodnyy-opyt>
23. Ovcharova L.N. Poverty and economic growth in Russia. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki = Journal of Social Policy Studies*. 2008;6(4):439–456. (In Russ.) Accessed August 31, 2025. <https://cyberleninka.ru/article/n/bednost-i-ekonomicheskii-rost-v-rossii>
24. Pishnyak A.I., Khalina N.V., Nazarbaeva E.A., Goryainova A.R. The level and profile of chronic poverty in Russia. *Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*. 2021;2(50):56–73. (In Russ.) doi:10.31737/2221-2264-2021-50-2-3
25. Yaroshenko S.S. “New poverty” in post-socialist Russia. *Laboratorium. Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy = Laboratorium. Journal of Social Research*. 2010;2(2):221–251. (In Russ.) Accessed August 31, 2025. <https://cyberleninka.ru/article/n/hovaya-bednost-v-rossii-posle-sotsializmaa>
26. Sorokin P.A. *Sotsial'naya mobil'nost' = Social Mobility*. Moscow: Publishing House Academia, LVS; 2005. 588 p. (In Russ.) Accessed August 03, 2025. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002713169/
27. Martyanov V.S. Social stratification in modern societies: from economic classes to rent-seeking groups? *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2016;10(390):139–148. (In Russ.) Accessed August 31, 2025. https://socis.isras.ru/files/File/2016/2016_10/Martyanov.pdf
28. Round J., Kosterina E. The construction of ‘poverty’ in post-Soviet Russia. *Perspectives on European Politics and Society*. 2005;6:403–434. doi:10.1163/156802505774576507
29. Tikhonova N.E. The phenomenon of poverty in modern Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2014;1(357):7–19. (In Russ.) Accessed August 31, 2025. <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/3ggw75731e/144329716.pdf>
30. Bagirova A.P., Gerasimova E.A., Zlokazov A.V., Neshatayev A.V., Chernysheva I.V. *Svidetel'stvo o registratsii bazy dannyh “Issledovanie bednosti sredi grazhdan trudospособного vozrasta v Sverdlovskoy oblasti” = Certificate of database registration “Study of Poverty Among Working-Age Citizens in Sverdlovsk Oblast”*. RU2024620111, 10.01.2024. Application N2023625063, 21.12.2023. (In Russ.)
31. Bondarenko N.V., Varlamova T.A., Gokhberg L.M. *Indikatory obrazovaniya: statisticheskiy sbornik = Education Indicators: Statistical Digest*. Moscow: HSE Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge; 2025. 452 p. (In Russ.) doi:10.17323/978-5-7598-3030-6
32. Warren M.R., Thompson J.P., Saegert S. The role of social capital in combating poverty. *Social Capital and Poor Communities*. 2001;3:1–28. Accessed August 31, 2025. https://www.russellsage.org/sites/default/files/Saegert_chapter1_pdf_0.pdf
33. Jian S. Multidimensional poverty in rural China: human capital vs social capital. *Economics*. 2025;19(1):20250140. doi:10.1515/econ-2025-0140
34. Hong L., Tisdell C., Fei W. Poverty and its reduction in a Chinese border region: is social capital important? *Journal of the Asia Pacific Economy*. 2019;24(1):1–23. doi:10.1080/13547860.2019.1591743
35. Yunus S., Zainal S., Jalil F., Sari C.M.A. Correlation of social capital and poverty farmers in Aceh. *Humanities and Social Sciences Reviews*. 2020;8(1):20–26. doi:10.18510/hssr.2020.813

Информация об авторах:

Козицина Татьяна Сергеевна – кандидат физико-математических наук, научный сотрудник школы государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация; ORCID 0000-0002-0504-2643, Scopus Author ID 57191351576, WOS J-6732-2015. E-mail: tatiana.kozitsina@urfu.ru

Клюев Алексей Константинович – кандидат философских наук, доцент, директор школы государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация; ORCID 0000-0001-8042-0619, Scopus Author ID 57196950473, WOS R-1101-2018. E-mail: a.k.kluev@urfu.ru

Багирова Анна Петровна – доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и технологии государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация; ORCID 0000-0001-5653-4093, Scopus Author ID 55361822000, WOS M-7440-2013. E-mail: a.p.bagirova@urfu.ru

Вклад соавторов. Авторы внесли равный вклад в исследовательскую работу.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 08.06.2025; поступила после рецензирования 24.09.2025; принята в печать 01.10.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Tatyana S. Kozitsina – Cand. Sci. (Physics and Mathematics), Research Associate, School of Public Administration and Entrepreneurship, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation; ORCID 0000-0002-0504-2643, Scopus Author ID 57191351576, WOS J-6732-2015. E-mail: tatiana.kozitsina@urfu.ru

Alexey K. Klyuev – Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Director of the School of Public Administration and Entrepreneurship, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation; ORCID 0000-0001-8042-0619, Scopus Author ID 57196950473, WOS R-1101-2018. E-mail: a.k.kluev@urfu.ru

Anna P. Bagirova – Dr. Sci. (Economics), Cand. Sci. (Sociology), Professor, Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation; ORCID 0000-0001-5653-4093, Scopus Author ID 55361822000, WOS M-7440-2013. E-mail: a.p.bagirova@urfu.ru

Contribution of the authors. The authors contributed equally to the research.

Conflict of interest statement. The authors declare that there is no conflict of interest.

Received 08.06.2025; revised 24.09.2025; accepted for publication 01.10.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.